

Счастливые. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskayaaludmila.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskayaaludmila.ru/> приятного чтения!

Счастливые. Людмила Евгеньевна Улицкая

Каждое воскресенье Берта и Матиас отправлялись к сыну. Берта делала бутерброды, наливала в термос чай и аккуратно обвязывала бумажной веревкой веник. Брала, на всякий случай, банку и все это упаковывала в чиненную Матиасом сумку. Матиас подавал ей пальто, или плащ, или жакетку, и они шли на рынок покупать цветы. Потом у трамвайной остановки они долго ждали редкого трамвая.

С годами Матиас делался все приземистей и все более походил на шкаф красного дерева; его рыжая масть угадывалась по темно-розовому лицу и бурым веснушкам на руках. Берта, кажется, была когда-то одного с ним роста, но теперь она возвышалась над ним на полголовы. В отличие от мужа с годами она становилась как-то менее некрасивой. Большие рыхлые усы, которые в молодости ее портили, хотя и сильно разрослись, но стали менее заметны на старом лице.

Они долго тряслись в трамвае, где было жарко или холодно в зависимости от времени года, но всегда душно. Они окаменело сидели – им всегда уступали места. Впрочем, когда они поженились, им тоже уже уступали места.

Дорога, не оставляя места для сомнений, приводила их к кирпичной ограде, проводила под аркой и оставляла на опрятной грустной тропинке, по обе стороны которой, среди зелени, или снега, или сырого нежного тумана, их встречали старые знакомые: Исаак Бенционович Гальперин с ярко-синими глазками, закатно-малиновыми щеками и голубой лысиной; его жена Фаина Львовна, расчетливая женщина с крепко захлопнутым ртом и трясущимися руками; полковник инженерных войск Иван Митрофанович Семерко, широкоплечий, как Илья Муромец, прекрасно играет на гитаре и поет и такой молодой, бедняга; потом со стершимися бабушкой и дедушкой Боренька Медников, два года два месяца; малосимпатичная семья Крафт, рослые, неповоротливые, белотелые, объявившие о себе вычурно стройными готическими буквами; необыкновенно приветливые старики Рабиновичи с рифмующимися именами – Хая Рафаиловна и Хаим Габриилович, всегда в обнимку, со светло-серыми волосами, одинаково поредевшими к старости, сухие, легкие, почти праздничные, взлетевшие отсюда в один день, оставив всех свидетелей этого чуда в недоумении.

За поворотом тропинка сужалась и приводила их прямо к сыну. Вовочка Леви, семь лет четыре месяца, встречал их много лет тому назад выбранной для этого случая улыбкой, отодвинувшей губу и обнажившей полоску квадратных, не доросших до взрослого размера зубов, среди которых темнело место только что выпавшего.

Все остальные выражения его широкого милого лица, мстя за то, что не они были выбраны для представительства, незаметно ускользнули и улетучились, оставив эту раз и навсегда единственную улыбку из всего неисчислимого множества движений лица.

Берта доставала сверток с веником, развязывала узелок, складывала вчетверо газету, в которую он был завернут, а Матиас смахивал веником пыль или снег с незамысловато зеленой скамеечки. Берта стелила сложенную газету и садилась. Они немного отдыхали, а потом прибирали этот дом – ловко, не торопясь, но быстро, как хорошие хозяева.

На маленьком прямоугольном столике Берта стелила бумажную салфетку, наливала в скользкие пластмассовые крышки чай, ставила стопочку сделанных один в один новеньких бутербродов. Это была их семейная еженедельная трапеза, которая за долгие годы превратилась в сердцевину всего этого обряда, начинающегося с заворачивания веника и оканчивающегося завинчиванием крышки пустого термоса.

Глубокое молчание, наполненное общими воспоминаниями, не нарушалось никаким случайным словом; для слов были отведены другие часы и другие годы. Отслужив свою мессу, они уходили, оставляя после себя запах свежeweымытых полов и проветренных комнат.

Дома, за обедом, Матиас выпивал воскресные полбутылки водки.

Трижды налил он в большую серебряную рюмку с грубым рисунком, пасхальную рюмку Бертиногo отца, трижды по-коровьи глубоко вздохнула Берта, не умеющая ответить

Счастливые. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya@ludmila.ru
ему иначе. Потом она отнесла посуду на кухню, особенным способом – с мылом и нашатырным спиртом – вымыла ее, вытерла старым чистым полотенцем, и они возлегли на высокую супружескую кровать.

– Ох, ты старый, – сказала шепотом Берта, закрывая маленькие глаза большими веками.

– Ничего, ничего, – пробормотал он, сильно и тяжело поворачивая к себе левой рукой отвернувшуюся жену.

Им снились обычные воскресные сны, послеобеденные сны, счастливейшие восемь лет, которые они прожили втроем, начиная с того нестершегося, всю жизнь переломившего дня, когда она, измученная дурными мыслями, пошла со своей разбухшей грудью и прочими неполадками к онкологу, не сказав об этом мужу. Старая врачиха, сестра ее подруги, долго ее тербила, жала на соски и, задав несколько бесстыдных медицинских вопросов, сказала ей:

– Берта, ты беременна, и срок большой.

Берта села на стул, не надев лифчика, и заплакала, сморщив старое лицо. Большие слезы быстро текли по морщинам вдоль щек, замедляясь на усах, и холодно капали на большую белую грудь с черными курносими сосками.

Матиас посмотрел на нее с удивлением, когда она сказала ему об этом, он знал давно, потому что первая его жена четырежды рожала ему девочек, но дым их тел давно уже рассеялся над бледными полями Польши. Ее молчание он понимал по-своему и – что тут говорить – никак не думал, что она сама об этом не знает.

– Мне сорок семь, а тебе скоро шестьдесят.

Он пожал плечами и ласково сказал:

– Значит, мы, старые дураки, на старости лет будем родителями.

Они долго не могли выбрать имя своему мальчику и звали его до двух месяцев "ингеле", по-еврейски "мальчик".

– Правильно было бы назвать его Исаак, – говорил Матиас.

– Нет, так теперь детей не называют. Пусть будет лучше Яков, в честь моего покойного отца.

– Его можно было бы назвать Иегуда, он рыжий.

– Глупости не говори. Ребенок и вправду очень красив, но не называть же его Соломоном.

Назвали его Владимиром. Он был Вовочкой – молчаливым, как Матиас, и кротким, как Берта.

Когда ему исполнилось пять лет, отец начал учить его тому, чему его самого обучали в этом возрасте. В три дня мальчик выучил корявые, похожие друг на друга, как муравьи, буквы, а еще через неделю начал читать книгу, которую всю жизнь справа налево читал его отец. Через месяц он легко читал и русские книги. Берта уходила на кухню и сокрушенно мыла посуду.

– О, какой мальчик! Какой мальчик!

Она восхищалась им, но порой холодная струйка, подобная той, что отрывается зимой от заклеенной рамы и как иголкой касается голой разгоряченной руки, касалась сердца.

Она мыла свою посуду, взбивала сливки, которые никогда не взбивались у соседок, пекла пирожные и делала паштеты. Она слегка помешалась на кулинарных рецептах и совсем забыла о бедной пшеничной каше, расплывающейся по дну алюминиевых мисок, о жидких зеленых щах, которые варила из молодой жгучей крапивы, сорванной на задах разваливающегося двухэтажного дома, в котором жило сначала сорок восемь, а в конце войны восемьдесят вечно голодных, больных и грязных детей. Она забыла

Счастливые. Людмила Евгеньевна Улицкая ulitskaya1udmila.ru
про голубые нежно-шершавые головы мальчиков, их голо торчащие беззащитные уши,
тонкие ключицы и синие вены на шеях девочек. Ее острая любовь ко всем этим детям
вообще острым лучом сошлась теперь на Вовочке.

Каждый день своей жизни она наслаждалась близостью рыженького пухлого мальчика,
часто трогала его руками, чтобы убедиться в том, что он у нее есть. Она купала
его, он кричал, а она восхищенно смотрела на непропорционально большие ступни и
сокровенный маленький конус.

Когда он подрос, она с таким же восхищением наблюдала за его детскими играми,
похожими на настоящую и скучную работу, – он часами плел из разноцветных полосок
коврики, хитро соединял их между собой. Матиас, варшавский портной парижской
выучки, работал в закрытом ателье и приносил сыну лоскутки. Сам же и помогал ему
резать их на ленточки. Берта в глубине души стеснялась своей непомерно
разросшейся любви, считала ее даже несколько греховной. Не склонная к
самоанализу, она не приводила свои ощущения к тому порогу, когда надо их
словесно определить, жила, внутренне этого избегая. Матиас приходил с работы,
обедал и садился на диван. Вовочка пристраивался рядом, как пирожок, испеченный
из остатков теста, рядом с большим рыжим пирогом. Они читали, разговаривали, а
Берта суеверно уходила мыть свою сверкающую посуду...

Во сне она легко, как в соседнюю комнату, входила в прошлое и легко двигалась в
нем, счастливо дыша одним воздухом со своим сыном. Муж ее, Матиас, с усами
сталинского покроя, молчаливо присутствовал как главная деталь декорации. Сны
эти походили на много раз виденный спектакль с наркотическим обаянием, который
шел долго-долго и всегда кончался за четверть часа до того, как Берта на
вытянутых руках внесла со двора Вовочку – бледного, со свежей царапиной на щеке,
следом его утренних трудов над моделью самолета, пришедшей на смену хитроумно
сплетенным коврикам. Ворот полосатой рубашки был расстегнут, и на шее, целиком
открытой и удлинившейся из-за запрокинутой головы, не билась ни одна жилка.

Все произошло мгновенно и напоминало плохой плакат – большой красно-синий мяч
резко выкатило на середину дороги, за ним вылетел, как пущенный из рогатки,
мальчик, раздался скрежет тормозов чуть ли не единственной проехавшей за все
воскресное утро машины. Мяч еще продолжал свое ленивое движение, успев пересечь
дорогу грузовику и утратить к движению всякий интерес, а мальчик, раскинув руки,
лежал на спине в последней неподвижности, еще совершенно здоровый, со свежей, не
выплеснувшейся ни на каплю кровью, не остановившей еще своего тока в кончиках
пальцев, но уже необратимо мертвой.

Матиас стоял возле маленького настенного зеркала с намыленными щеками и
задранной подбородком и, отведя правую руку с тяжелым лезвием, примеривался к
трудному месту на шее...

...В седьмом часу старики проснулись. Берта сунула худые серые ноги в меховые
тапочки и пошла ставить чайник. Они сидели за круглым столом, покрытым жесткой,
как фанера, скатертью. Посреди стола торжествовала вынутая из буфета вазочка с
самодельными медовыми пряниками. За спиной Матиаса в углу стоял детский
стульчик, на котором пятнадцатый год висела маленькая коричневая курточка,
собственноручно перешитая им из собственного пиджака. Левое плечо, то, что к
окну, сильно выгорело, но сейчас, при электрическом освещении, это было
незаметно.

– Ну что же, сдавай, – сказала Берта и потянулась за очками. Матиас тасовал.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ulitskaya1udmila.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!